

Бендер:
Великий комбинатор
в Подпольной империи

Дамир Янсуфин

**Бендер: великий комбинатор
в Подпольной империи**

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

Бендер: великий комбинатор в Подпольной империи /
Д. Янсуфин — «Автор», 2026

1922 год, Одесса. Остап Бендер, гениальный аферист и «великий комбинатор», вместе с обанкротившимся дворянином Ипполитом Воробьяниновым бежит от преследования за кражу стульев. Судьба заносит их не в Константинополь, а через океан — в Атлантик-Сити, столицу подпольного бизнеса эпохи Сухого закона. Здесь правят бал ирландский политик-гангстер Нуки Томпсон, его преданный, но амбициозный протеже Джимми Дармоди и безжалостные конкуренты из Нью-Йорка и Чикаго. Бендер, оказавшись в сарае с отвратительным самогоном румына Миши, проявляет чудо изобретательности: превращает сивуху в бренд «Бендер & Воробьянинов», эксклюзивный «одесский оригинал». Но империи рушатся. Комитет Кефопера, падение Лучано и начало конца «эпохи королей» заставляют Бендера признать: самая гениальная комбинация — вовремя покинуть тонущий корабль. Забрав старую команду и тайные капиталы, он уплывает на яхте в Рио-де-Жанейро, наконец обретая ту самую свободу, ради которой и затевалась вся афера.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

Бендер: великий комбинатор в Подпольной империи

АННОТАЦИЯ

«Великий комбинатор в Подпольной империи»

1922 год, Одесса. Остап Бендер, гениальный аферист и «великий комбинатор», вместе с обанкротившимся дворянином Ипполитом Воробьяниновым бежит от преследования за кражу стульев. Судьба заносит их не в Константинополь, а через океан — в **Атлантик-Сити**, столицу подпольного бизнеса эпохи Сухого закона.

Здесь правят бал ирландский политик-гангстер Нуки Томпсон, его преданный, но амбициозный протеже Джимми Дармоди и безжалостные конкуренты из Нью-Йорка и Чикаго. Бендер, оказавшись в сарае с отвратительным самогоном румына Миши, проявляет чудо изобретательности: превращает сивуху в бренд «Бендер & Воробьяниновъ», эксклюзивный «одесский оригинал».

За короткое время при поддержке старого ростовщика Лифшица и вернувшихся из Одессы «специалистов» (балагура-силовики Шуры, хитрого интригана Паниковского, логиста Козлевича и тайного миллионера Корейко) Бендер строит бизнес в тихом городе **Вайнленд**. Он становится незаметным, но необходимым поставщиком эксклюзивного алкоголя для империи Томпсона, параллельно разрабатывая методы «экономических и психологических войн» против врагов.

Когда война Нуки с итальянскими кланами обостряется, Бендер переходит от политики «тихого тыла» к активной роли: он становится **архитектором легендарной Комиссии** — совета гангстеров, призванного заменить кровавые войны голосованием и арбитражем.

По заданию своего нового покровителя **Лаки Лучано**, Бендер отправляется в самое пекло — в Чикаго, к **Аль Капоне**, после Бойни в День святого Валентина. Там он, вооружённый лишь бумагой с подписями боссов и дьявольским красноречием, умиряет самого опасного человека Америки.

Но империи рушатся. Кефовер комитет, падение Лучано и начало конца «эпохи королей» заставляют Бендера признать: самая гениальная комбинация — вовремя покинуть тонущий корабль. Забрав старую команду и тайные капиталы, он уплывает на яхте в **Рио-де-Жанейро**, наконец обретая ту самую свободу, ради которой и затевалась вся афера.

ДЛЯ КОГО ЭТА ИСТОРИЯ

Фанаты **Ильфа и Петрова**, которые хотели бы увидеть взрослого, жестокого Бендера в мире криминальных империй.

Поклонники «**Подпольной империи**» (Boardwalk Empire), которым будет интересно появление третьего, «интеллектуального» игрока между Нуки, Лучано и Капоне.

Любители альтернативной истории и кроссоверов.

Те, кто ценит жанр **чернокомедийной криминальной саги** о том, как человек может обмануть саму систему, построить её, а потом — бросить.

ЭТАП: «Николай I». Чёрное море. Неделя в пути.

Обстановка: Глубокий трюм угольщика. Воздух густой, сладковато-горький от угольной пыли. Бендер и Киса ютятся в импровизированном «угле» — нише, отгороженной от основного пространства пустыми ящиками. У них есть одеяло, бутылка воды и краюха чёрного хлеба — плата от Архипа за то, что Бендер сочинил для его невесты в Одессе такое страстное письмо, что грузчик прослезился.

Действие: Киса ноет. Это его базовое состояние.

Киса: Остап Ибрагимович, я больше не могу. Уголь — он повсюду. Он в ушах. Я, кажется, откашливаюсь углём. Мы уплываем всё дальше от цивилизации. Куда?

Бендер (не отрываясь от изучения потрёпанной книги «Английский для путешественников», найденной в кубрике): В Константинополь, Ипполит Матвеевич. Город минаретов, сладкой пахлавы и невероятно сговорчивых таможенников. Там мы с вами расцветём, как два тюльпана на базаре. Главное — выучить пару фраз. «How much» и «Go to hell». Этого обычно хватает.

В этот момент в их угол вваливается Архип. От него пахнет махоркой и важностью. Он принёс две миски бобовой баланды и новость.

Архип (садясь на ящик, понижая голос): Ну что, грамотеи, приспособились? Скоро вас, голубчиков, сгружать будем.

Киса (оживляясь): В Константинополе? Наконец-то!

Архип (хмыкает, вынимая кiset): В каком ещё Константинополе? Капитан бумаги подправил. Мы идём транзитом через Марсель, а груз — в **Америку**. В Бостон. Там наш «уголь» ждут одни серьёзные дядьки. И вас, как попутный груз, сдадим.

Наступает тишина. Даже вечно копошащийся Киса замирает. Только скрипение корпуса судна нарушает тишину.

Киса (шёпотом, с нарастающей паникой): Америка... Это... это же на другом конце света! Там дикари! Индейцы! И этот... Ку-клукс-клан! Остап Ибрагимович, мы погибли!

Бендер не отвечает. Он медленно закрывает книгу. Угольная пыль золотым нимбом стоит в луче света из люка, падающего на его лицо. В его глазах происходит смена эпох. Одесса, Константинополь, мелкие аферы — всё это мгновенно устарело. Стерелось, как надпись мелом на доске.

Бендер (голос тихий, но чёткий, будто отлитый из металла): Америка...

Он произносит это слово не как географическое название. А как заклинание. Как ключ к несметным сокровищам. В его голосе — не шок, а благоговейный трепет первооткрывателя, увидевшего новую землю.

Бендер: Америка, Ипполит Матвеевич. Страна, где полицейские едят пончики, а не садят в ЧК. Страна, где каждый бродяга может стать миллионером, если у него есть идея и... известная гибкость принципов. Страна **тотального сухого закона**. Ты слышишь? Они ДОБРОВОЛЬНО запретили себе пить. Это гениально! Это создаёт вакуум. А природа, как известно, не терпит пустоты. Её заполняют люди сообразительные.

Он встаёт, стряхивая с колен угольную пыль, как пепел старой жизни.

Бендер (обращаясь уже не к Кисе, а куда-то в пространство, к самой судьбе): Я всегда чувствовал, что рождён для большего, чем продавать билеты в Провал. Судьба, в лице греческих товарищей с турецким сеном, дала мне пинка. И привела сюда, на этот вонючий угольщик. Чтобы отправить меня... домой. В страну великих комбинаций. Архип!

Грузчик вздрагивает.

Бендер: Эти «серьёзные дядьки» в Бостоне... Они случайно не итальянцы? Или ирландцы?

Архип (пожимая плечами): Говорят, там все какие-то... Капоне, Торрио... Не запомнишь.

Лицо Бендера озаряет улыбка в пол-лица. Он достаёт последнюю папиросу.

Бендер: Ипполит Матвеевич, перестаньте хныкать. Вы слышали? Нас ждут **деловые партнёры**. Нам нужно готовиться. Архип, принеси-ка ещё этой вашей литературной баланды. И... есть ли у кого на судне томик «Основы бухгалтерского учёта» или «Пособие для начинающего контрабандиста»? Надо подтянуть теорию перед практикой.

Он закуривает, и дым в луче света смешивается с угольной пылью. Начинается новая глава. Глава под названием «**Америка**».

ЭТАП: Причал, Атлантик-Сити. Конец ноября 1922 года.

Обстановка: Пасмурный день, над океаном нависло низкое свинцовое небо. Моросит холодный, пронизывающий дождь, смешивающийся с солёными брызгами. Причал №12 не парадный: запах гниющей рыбы, мокрого дерева и машинного масла. Гудки пароходов звучат глухо, укутанные влагой. «Николай I», почерневший от угольной пыли и штормов, стоит у дебаркадера, как призрак старого мира.

Действие: С борта по шаткому трапу спускаются две фигуры. Они контрастируют со всем вокруг.

Остап Бендер: Его некогда белое пальто стало тёмно-серым, почти чёрным от угольной пыли, впитавшей влагу. Но он носит его с видом полководца, сошедшего с корабля на завоеванную землю. Трость (найденная на судне) уверенно стучит по мокрым доскам. Его взгляд не растерян, а **жадно аналитичен**. Он сканирует причал, как шахматист — доску: грузчики в кепках, полицейский, лениво прислонившийся к будке, чёрные автомобили, подъезжающие к соседнему причалу за ящиками.

Ипполит Матвеевич Воробьянинов: Он съёжился, как мокрая курица. Его сюртук безнадёжно испорчен, шляпа обвисла. Он пытается нести свой пустой портфель, как щит от этого нового, враждебного мира. Он постоянно оглядывается, ожидая, что из ствола каждого крана на него вот-вот наведут пулемёт.

Диалог:

Киса (дрожащим от холода и страха голосом, ёжась): Остап Ибрагимович... Это и есть Америка? Где же небоскрёбы? Где золотые мостовые? Здесь... пахнет, как в рыбацкой слободе под Одессой. И так же сыро. Может, нас обманули?

Бендер (не отрывая взгляда от сцены выгрузки ящиков с соседнего катера. Рабочие работают быстро, молча, под присмотром крепких мужчин в длинных пальто. Он замечает, как один из надсмотрщиков отсчитывает банкноты капитану «Николая»).

Бендер (с лёгкой, почти восторженной улыбкой): Ипполит Матвеевич, вы — человек недалёкого ума, но иногда ваша наивность очаровательна. Золотые мостовые? Их не кладут на причалах для чернорабочих. Их кладут в сейфы. А пахнет здесь... (Он глубоко вдыхает сырой воздух.) Пахнет **большими возможностями**. Чувствуете? Запах моря, нефти и... наживы. Это аромат прогресса.

Киса: Я чувствую запах селёдки и промокших ног. Что мы будем делать? У нас тринадцать долларов и вид... вид беженцев с того света!

Бендер (наконец поворачивается к Кисе, его глаза горят холодным, расчётливым огнём): Мы будем делать то, что умеем лучше всего. Адаптироваться. Видите этих господ? (Он едва заметным движением головы указывает на надсмотрщиков.) Они не просто грузчики. Это — **низовые менеджеры гигантской, невидимой корпорации**. Корпорации, которая поставляет счастье в сухие, по букве закона, города. Им нужны не мышцы, а головы. Ум, который может оптимизировать поток, наладить учёт, придумать... налог на глупость конкурентов.

Он вытирает каплю дождя со щеки, и его жест полон театральности.

Бендер: Наша одесса осталась там, за океаном. Здесь мы — чистые листы. Мистер Бендер и мистер Воробьянинов. Специалисты по европейским... финансовым сложностям. Да, звучит. Главное — не говорить, откуда именно мы приехали. Скажем, из... Будапешта. Там тоже есть аристократы.

Киса (безнадёжно): Но я не говорю по-венгерски!

Бендер: И слава богу. Никто здесь его не знает. Идёмте, Ипполит Матвеевич. Нам нужно найти тёплое, сухое место, где собираются такие же... «специалисты широкого профиля». Где пахнет дешёвым виски, дорогими сигарами и **информацией**. Первым делом в новом городе нужно найти его пульс. А бьётся он, как я подозреваю, не в ратуше, а в каких-нибудь «Закусочной у Биг-Мака» или «Барбершопе Тони». Пойдёмте греться. И поменьше охайте. Вы теперь — экс-президент Будапештского клуба виноделов. Держитесь соответственно.

Бендер уверенно шагает вперёд, в пелену осеннего дождя, как будто знает дорогу. Киса, покорно поёживаясь, плетётся за ним, шлёпая по лужам развалившимися ботинками. Они растворяются в серой мгле причала, двое призраков со старого угольщика, только что ступивших на территорию «Подпольной империи».

ЭТАП: Набережная Атлантик-Сити. Поздний пасмурный день.

Обстановка: Дождь не усилился, но не прекратился. Набережная — не парадный променада для курортников (сезон закончился), а рабочая артерия города. Длинные низкие склады, верфи для ремонта катеров, забегаловки с потухшими неоновыми вывесками. Изредка проезжают грузовики, брызги из-под колёс летят на тротуар. В воздухе — стойкий микс: океан, мазут, жареные устрицы из какой-то закусочной и едва уловимый, но знакомый Бендеру по одесским катакомбам запах — запах чего-то запретного, крепкого, может, самогона, а может, опиумной курильни.

Действие: Бендер и Киса идут вдоль линии причалов. Бендер не просто идёт, он **изучает**. Его глаза — сканеры, фиксирующие детали:

На стене склада: Свежая, небрежная надпись мелом: «Jimmy + Nucky = ?» Кто-то ниже вывел: «Mind your business». Бендер хмыкает про себя.

У дверей «O'Harley's Fish & Grill»: Двое мужчин в дорогих, но немарких пальто быстро о чём-то говорят. Один нервно покусывает сигару, не зажигая её. Они замечают двух незнакомцев, замолкают, оценивающе смотрят. Бендер ловит этот взгляд и отвечает вежливый, ничего не значащий кивок, как коллега по бизнесу.

На рекламном щите: Выцветшая афиша с танцовщицей и надписью «Babylon Club – The Finest Entertainment». Кто-то углем пририсовал танцовщице усы и пистолет.

Диалог:

Киса (всё так же жалобно, пытаясь прикрыть портфелем голову от дождя): Остап Ибрагимович, куда мы идём? Все эти люди смотрят на нас, как на волков в овчарне. Мне страшно. Может, спросить у кого дорогу до... до русской церкви? Или до консульства?

Бендер (не сводя глаз с вывески одного из складов: «Thompson Fuel & Heating Co.»). Он заметил, что грузовики подъезжают к нему, но уголь или дрова не разгружают, а забирают аккумуляторные деревянные ящики).

Бендер: Церковь? Консульство? Ипполит Матвеевич, вы предлагаете сдать в плен раньше, чем нас взяли в осаду. Посмотрите вокруг. Это же готовые декорации для грандиозной пьесы. Вот, видите эту вывеску? «Топливо и отопление». Но я не вижу ни одной угольной пылинки на водителях. Зато вижу, как они бережно грузят ящики, которые по звуку явно наполнены жидкостью. Это не топливо для печей. Это **топливо для вечеринок**, которое почему-то охраняют серьёзные люди.

Киса (испуганно озирается): Вы думаете, это... контрабанда? Алкоголь? Остап, нам же не нужно в это ввязываться! Нас же могут убить!

Бендер (останавливается у витрины барбершопа. За стеклом — мужчины в креслах, но стригут не всех. Некоторые просто сидят, читают газеты, ведут тихие беседы. Это явно клуб по интересам).

Бендер: «Ввязываться» — это когда лезут без приглашения. Мы же — эксперты. Нас могут **пригласить**. Посмотрите на эту парикмахерскую. Видите человека в углу, в шляпекотелке? Он не ждёт стрижки. Он ждёт кого-то. Или чего-то. Это место, Ипполит Матвеевич, где стригут не только волосы, но и **информацию**. И, кажется, мы нашли наш первый пункт назначения.

Киса (в ужасе смотрит на барбершоп): Туда? Но у нас нет денег на стрижку! И я не хочу, чтобы мне брили горло бритвой!

Бендер (поправляет воображаемый галстук на своей грязной рубашке, его глаза загораются азартом первооткрывателя): Кто сказал, что мы пойдём стричься? Мы пойдём **на разведку**. Нам нужно всего лишь купить одну услугу. Самую дешёвую. Например, «побриться»... ушами. Пойдёмте. И помните: вы — аристократ. Молчите, кивайте и смотрите слегка свысока. Как будто от запаха дешёвого одеколona. Я буду говорить.

Он толкает дверь барбершопа. Звенит колокольчик. Тёплый, густой воздух, пахнущий мылом, табаком и мужским потом, обволакивает их. Все разговоры стихают. Несколько пар глаз медленно поднимаются и фиксируются на двух мокрых, странно одетых незнакомцах в дверях. Взгляды недружелюбные, изучающие.

Бендер снимает свою потрёпанную шляпу с изящным, почти театральным жестом, будто входит в салон.

Бендер (на ломаном, но громком английском): Добрый день, джентльмены! Простите за вторжение. Не подскажите, где здесь можно... **обменять валюту?** Европейскую. У нас небольшие сложности с местными банками.

Он бросает эту фразу, как пробный камень в воду, и наблюдает за рябью на лицах.

ЭТАП: Номер в гостинице «Seaview Boarding House». Поздний вечер.

Обстановка: Узкая комната с одним окном, зашторенным потертой тканью. Вид — на мокрый кирпичный торец соседнего здания. Две узкие кровати с продавленными матрацами, комод с отколотой краской, раковина с одной краном, из которого сочится ржавая вода. Запах пыли, дезинфектора и старого дерева. Единственный источник света — тусклая лампочка под потолком без абажура. На столе — их капитал: несколько мятых банкнот и мелочь после обмена, оплаты номера на неделю вперёд и покупки двух бутербродов с салями.

Действие: Киса сидит на краю кровати, сгорбившись, и смотрит на жалкие остатки денег. Бендер стоит у окна, отодвинув занавеску, и наблюдает за огоньком в окне напротив — кто-то там тоже не спит. Он расстегнул воротник грязной рубашки, его пальто висит на спинке стула.

Диалог:

Киса (голос прерывается от отчаяния): Остап Ибрагимович... Вот они. Последние деньги. Мы проели, пропили, прос... проночевали почти всё, что выменяли на те золотые часы. Осталось на неделю этого... свинарника. А дальше что? На панель мне выходить? Я, бывший предводитель... Я не могу!

Бендер (не оборачиваясь, спокойно): Ипполит Матвеевич, успокойте ваши дворянские нервы. Вы смотрите на проблему с конца. Это не «последние деньги». Это — **стартовый капитал**. Минимальный, но достаточный. Мы легализовались, мы на суше, у нас есть крыша над головой. Шах и мат, стихии.

Киса: Какой капитал?! На что? На ещё один бутерброд? Нам нужно искать работу! Но кто нас возьмёт? Мы не говорим, мы не знаем...

Бендер (наконец отворачивается от окна. Его лицо в тени, но глаза отражают свет лампочки. Он улыбается той улыбкой, которая всегда пугала Кисе больше всего — улыбкой абсолютной, ледяной уверенности).

Бендер: Работа? Для кого? Для грузчиков у Нуки Томпсона? Для посудомойки в закуской? Вы с ума сошли, Ипполит Матвеевич. Мы не для этого плыли через океан. Мы прибыли не для того, чтобы влиться в стройные ряды пролетариата. Мы прибыли, чтобы **возглавить процесс**.

Он делает паузу, подходит к столу, берет одну долларовую банкноту, вертит её в пальцах.

Бендер: Я потратил сегодняшний день не только на поиск этой роскоши. Я слушал. В той парикмахерской. В очереди за бутербродами. Я слышал обрывки. «Налёт на склад в пятом округе»... «Шерифу нужно заплатить к пятнице»... «Ирландцы не поделили район с итальянцами»... Понимаете? Весь этот город — один большой, плохо организованный **кооператив «Рогоносец и тросточка»**. У них есть всё: товар, клиенты, риски. Но нет главного — мозгового центра. Нет стратега. Нет человека, который увидит общую картину и скажет: «А давайте-ка, дети, поделим всё по-честному. То есть по-моему».

Киса (непонимающе): Но как? Мы же чужие. Нас не знают. Нам не доверяют.

Бендер (кладёт доллар обратно на стол. Его голос становится тише, но от этого ещё весомее): **Именно потому и доверяют**. Мы — нейтральная сторона. Мы — не ирландцы, не итальянцы. Мы — европейские специалисты с безупречной, то есть абсолютно неизвестной здесь, репутацией. Мы предложим им то, чего у них нет. **Систему**. Систему учёта, распределения рисков, разрешения споров. Не силой, а процентным отчислением. Мы станем... биржей. Арбитражем. Посредниками между всеми этими воющими племенами.

Он садится на свою кровать напротив Кисе, смотрит ему прямо в глаза.

Бендер: Завтра утром мы идём в самую дорогую канцелярскую лавку, которая работает в этом районе. Мы покупаем папку с завязками, блокнот и хорошую ручку. Это будет наш главный актив. Вид солидного человека с папкой открывает многие двери. А потом мы наносим первый визит. Не к Нуки. Это рано. К кому-нибудь поменьше. К тому, у кого есть проблема. И мы предложим ему... **бесплатную консультацию**. А дальше — пойдёт, как по маслу. Вам, Ипполит Матвеевич, я отвечу на ваш первоначальный вопрос: «Что будем делать?».

Бендер делает театральную паузу.

Бендер: **Мы будем продавать им спокойный сон**. А это, поверьте, самый дорогой товар в этом городе. Теперь — спите. Завтра начинается новая жизнь. Та, ради которой стоит было пачкать пальто углём.

Он выключает свет. Комната погружается во тьбу. Слышно, как Киса тяжело вздыхает и ворочается на скрипящей кровати. Бендер лежит неподвижно, глядя в потолок, на котором отсветы уличных фонарей рисуют движущиеся тени. На его лице — сосредоточенная улыбка шахматиста, продумывающего первый ход.

ЭТАП: Набережная Атлантик-Сити. Следующий день. Ясное, ветреное утро.

Обстановка: Та же набережная, но в солнечном свете выглядит менее уныло. Море блестит, воздух свеж. Недалеко от одного из павильонов собралась небольшая, но шумная толпа. Женщины в скромных, но аккуратных костюмах и шляпках, некоторые с плакатами: «Votes for Women», «Equality Now». Им противостоят несколько мужчин в рабочих кепках, которые кричат что-то неразборчивое и смеются. Сцена знакома по первой серии «Подпольной империи».

Действие: Бендер и Киса, уже в немного подчищенной одежде (пыль стряхнули, пятна замаскировали), прогуливаются, делая вид, что просто дышат воздухом. На самом деле Бендер ведёт разведку. Шум привлекает их внимание. Они останавливаются на почтительном расстоянии, в тени грузового крана, и наблюдают.

Ключевой момент: К толпе подъезжает нарядный автомобиль. Из него выходит ухоженный, уверенный в себе мужчина в отличном костюме и каракулевой шляпе – **Инуэль «Нуки» Томпсон**. Он невозмутим, улыбчив. Он подходит к суфражисткам, говорит несколько спокойных, ободряющих слов, жертвует деньги в их фонд. Толпа успокаивается. Он одаривает всех своей политической улыбкой, ловко гасит конфликт и с той же лёгкостью уезжает, оставив после себя впечатление благородного миротворца и покровителя.

Диалог наших героев (шёпотом, по-русски):

Киса (смотрит на женщин с брезгливым недоумением): Смотри-ка, бабы с плакатами. И чего они добиваются? Равных прав? Это противоестественно. Женщина должна сидеть дома, варить варенье и воспитывать детей. У нас в уезде такого безобразия не допустили бы.

Бендер (не сводя глаз с отъезжающего автомобиля Томпсона, оценивающе шурится): Ипполит Матвеевич, вы, как всегда, хватаете суть, но не видите формы. Эти дамы с плакатами – не главное. Это... декорация. А главное – вот этот господин в каракулевой шляпе. Вы видели, как он вышел из машины? Как будто сошёл с трона. Он не успокоил скандал, он его **присвоил**. Сделал себя центром внимания, благодетелем для одних и мудрым хозяином – для других.

Киса: Ну и что? Политикан, каких много. Раздаёт направо и налево, народную любовь покупает.

Бендер: О, это гораздо глубже. Он покупает не любовь. Он покупает **легитимность**. Он показывает всем: «Я – тот, кто решает, быть скандалу или не быть. Кому дать денег, а кого оставить с носом». Это очень дорогой товар – видимость порядка. И он продаёт её мастерски. Обратите внимание, – Бендер указывает подбородком на рабочих, которые, проводив Томпсона, уже не кричат, а просто стоят в растерянности, – его улыбка разоружила даже этих болванов. Он – хозяин города. И хозяин не сидит в мэрии. Хозяин приезжает на десять минут, раздаёт подачки и уезжает, оставляя всех в ошущении, что он их благодетель. Bravo. Настоящий артист.

Киса (недоуменно): И что нам с этого? К нему на приём записаться? Он же, наверное, со всеми подряд не встречается.

Бендер (поворачивается, чтобы идти дальше, последний раз бросив взгляд на место недавнего митинга, теперь уже пустынное): Напрямую – нет. Это было бы мелко. Но теперь я знаю его стиль. Он создаёт себе образ уважаемого бизнесмена и филантропа. Значит, наш вход к нему должен быть... через его же имидж. Не через чёрный ход с ящиком виски, а через парадную дверь, с предложением, которое **улучшит его репутацию и увеличит доходы**. Парадоксальное сочетание. Нужно подумать. А пока... – Бендер хлопает Кисе по плечу, – запомните его лицо, Ипполит Матвеевич. Это – наш главный потенциальный клиент. Тот, кто

платит больше всех. Но сначала мы потренируемся на кошках поменьше. Идёмте. Нам нужно найти не проблему, а человека, который думает, что у него нет проблем, но мы ему эти проблемы найдём и красиво решим.

Они разворачиваются и уходят вдоль набережной, два теневика, только что увидевшие местного короля во всём блеске его публичной власти. Бендер уже обдумывает, как эту власть можно монетизировать, используя слабости системы, которую Нуки так старательно выстраивает.

ЭТАП: Доки Атлантик-Сити. Через два дня.

Обстановка: Самый оживлённый и грязный уголок порта. Не парадные причалы, а зона «ночного разгрузочного фронта». Здесь грузят/разгружают легальный товар – рыбу, уголь, стройматериалы, но все понимают, что это лишь прикрытие. В воздухе висит напряжение: воры, грузчики, надсмотрщики, полицейские на довольствии – все следят друг за другом. Бендер быстро выяснил, что нанимают через грузчика по кличке **Болт** (Bolt) – рыжего ирландца с разбитым носом, который за пачку сигарет может вписать кого угодно в смену.

Действие: Бендер и Киса, в грязной рабочей одежде, купленной за последние центы в лавке подержанных вещей, стоят в очереди таких же оборванцев. Бендер смотрит уверенно, Киса пытается спрятаться за его спиной.

Диалог с Болтом:

Болт (оценивающе смотрит на Бендера, потом на трясущегося Кисе): Эй, шпиц! (тычет пальцем в Бендера). Ты сгодишься. А этот дедушка (кивает на Кисе) – он не сдохнет, пока дотащит ящик?

Бендер (на ломаном английском с притворной простоватостью): Он силён, как бык. Только тихий. Мы из... Будапешта. Много работали на Дунае. Знаем толк в ящиках. Молчать и работать – это мы умеем.

Болт (хмыкает): Смотрите, чтоб только работать и молчать. Особенно – молчать. Про то, что увидите. За смену – два доллара. Не нравится – до свидания.

Час спустя. Они в самом сердце процесса. Разгружают ящики с треской со старого траулера «Эсмеральда». Но Бендер сразу замечает странности:

Двойное дно: Некоторые ящики с рыбой неестественно тяжёлые. Их ставят не на общую гору, а аккуратно в сторонке.

Особый приём: К этим ящикам подходят не грузчики, а двое в чистых кепках. Они быстро вскрывают один ящик отвёрткой. Бендер, проходя мимо с ношей, видит блеск стеклянных горлышек, упакованных в солому, под слоем тухлой рыбы.

Логистика: Эти особые ящики грузят не на грузовик «Atlantic City Fish Co.», а в чёрный фورد без номеров, который стоит в тени ангара.

Болтовня: В перерыве, курая махорку, старый грузчик-итальянец бурчит: «Опять этот Лучано со своим “шотландским виски”. Каждый раз пахнет, будто кошки в нём сдохли. Лучше бы нормальное вино гнали...»

Вечер, в их комнате. Киса стонет, растирая спину. Бендер сидит за столом, на чистом листе из блокнота (купленного в дорогой канцелярской) рисует схему.

Диалог:

Киса: О, Господи... Я никогда в жизни... Спину оторвало. И эта вонь рыбы... она въелась в кожу. За два доллара! Это кабала!

Бендер (не отрываясь от схемы): Молчите, Ипполит Матвеевич, вы заработали не два доллара. Вы заработали **бесценную информацию**. Я теперь знаю:

Один: Поставки идут морем, под рыбой. Траулер «Эсмеральда» – ключевое звено.

Два: Приёмкой занимается не Нуки напрямую, а люди **Лаки Лучано**. Видимо, это его личный канал из Европы или Канады.

Три: Разгрузка идёт в тени, но в открытую. Значит, полиция и портовые на довольствии. Но... – Бендер ставит точку на схеме, – есть слабое звено.

Киса (с надеждой): Слабое? Какое?

Бендер: Рыба. Она воняет, она заметна, она портится. Это неряшливо. Значит, Лучано либо экономит, либо у него проблемы с логистикой. Он вынужден пользоваться этим вонючим прикрытием. А где неряшливость – там потери. Где потери – там можно предложить оптимизацию.

Киса: Опти... что?

Бендер: **Оптимизацию**, дорогой мой! Представьте: вместо вонючей рыбы – безобидный уголь или гранитная крошка. Или лучше – легальный груз с двойным тайником. Нужны вложения, связи на таможне. У Лучано, видимо, не хватает ни того, ни другого здесь, в Атлантик-Сити. Он чужой на этом празднике жизни. А Нуки, я уверен, не в восторге от того, что кто-то вяжет самостоятельные узлы на его территории.

Киса (испуганно): Ты хочешь пойти к этому... Лучано? Да он нас пристрелит, как назойливых мух!

Бендер: К Лучано? Нет. Сначала – к его **проблеме**. Точнее, к тому, кто от этой проблемы страдает. Нужно найти мелкого дистрибьютора, который получает этот «рыбный» товар. Того, чьи клиенты жалуются на запашку в бутылках. Он будет наш первый клиент. Мы предложим ему... систему фильтрации и ребитинга. За скромный процент.

Киса: Ре... что?

Бендер (встаёт, потягивается с довольным видом стратега): Неважно. Главное – мы нащупали нить. Завтра мы идём не на разгрузку. Завтра мы идём по питейным заведениям второго сорта. Будем нюхать воздух. В прямом и переносном смысле. И искать того, кто сморщится от запаха «шотландского виски от Лаки». Спокойной ночи, Ипполит Матвеевич. Мы на правильном пути.

ЭТАП: Номер в «Seaview Boarding House». Поздняя ночь.

Обстановка: Та же убогая комната. На столе — пустая бутылка из-под содовой и два стакана. Деньги аккуратно сложены стопочкой, как священный артефакт. Киса, согнувшись, пытается зашить порванный рукав рабочей блузы. Бендер расхаживает по комнате, отмеряя шагами её крохотное пространство. В его голове, словно на биржевом табло, мелькают цифры, маршруты и лица.

Диалог:

Бендер (внезапно останавливается, щелкает пальцами): Ипполит Матвеевич, у меня родилась мысль. Она столь же проста, сколь и гениальна. Мы с вами смотрим на проблему с конца.

Киса (уколов палец иголкой, сосёт его и хмурится): Опять? У нас всегда какая-то проблема. То денег нет, то спина болит, то рыбой воняет. Какая теперь?

Бендер: Проблема поставок! Эти уважаемые люди вынуждены маскировать виски под тухлую треску. Это варварство! Это оскорбление для благородного напитка и для носа потребителя. А что, если... — он делает паузу для драматизма, — что, если предложить им товар, который не нужно так похабно маскировать? Товар, который сам по себе — отличная легенда?

Киса (подозрительно): Какой ещё товар? У нас же ничего нет.

Бендер: У нас есть **прошлое**, Ипполит Матвеевич! Одесса! Чёрное море! Вспомните запах одесского порта — не вонь гниющей рыбы, а аромат чернослива, миндаля, дубовых бочек... Мадера, портвейн, коньяк! А главное — **водка**. Кристально чистая, как слеза невинной девы. Или, на худой конец, отличный самогон, который гонят в молдавских катакомбах. Там у меня остались... деловые связи.

Киса (с нескрываемым ужасом): Остап Ибрагимович! Ты с ума сошёл! Плыть обратно? Через пол-мира? Нас же там ждут греки с турецким сеном и, не дай Бог, уже и чекисты! Это самоубийство!

Бендер: Кто сказал про «плыть»? Мы не будем плыть. Мы будем **организовывать**. Мы станем здесь, на американском берегу, представителями. Эксклюзивными дистрибьюторами. «Бендер & Воробьянинов: элитные спиртные напитки из старой Европы». Представь: здесь у них виски — это хорошо. Но это местное, обыденное. А водка... это диковинка! Это экзотика! Это напиток русских аристократов и казацкой вольницы. Мы создадим легенду! «Поставки с личной винокурни графа Воробьянинова, тайно вывезенные из охваченной пламенем революции России». Каждая бутылка — с историей!

Киса (его дворянское самолюбие на секунду задето, но страх побеждает): Но... но у меня не было винокурни! И как мы будем получать этот товар? Телеграмму посылать? «Дорогой Фима, пришли сто ящиков водки в Америку, деньги потом»?

Бендер (машет рукой): Детали, Ипполит Матвеевич, сущие детали! Первый шаг — не поставка, а **спрос**. Нам нужно заинтересовать здесь, на месте, влиятельного человека. Например, того же Лаки Лучано. Мы приходим к нему не как попрошайки, а как партнёры с уникальным предложением. Говорим: «Мы видим вашу проблему с логистикой. Мы можем её решить. У нас есть канал не из Канады, где все под колпаком у королевской полиции, а прямо из Одессы. Незаметно, надёжно, и товар — премиальный». Он заинтересуется. А получив его заинтересованность и, что важно, аванс, мы... находим поставщика.

Киса (окончательно запутавшись): Как находим? Из воздуха?

Бендер (снисходительно): Ипполит Матвеевич, мир велик. В том же Нью-Йорке, я уверен, есть целый район, где живут наши бывшие соотечественники. Среди них наверняка есть умельцы с медным аппаратом и хорошим рецептом. Или есть каналы через Ригу, через Константинополь... Наш товар — не конкретная водка из Одессы. Наш товар — **идея**. Идея эксклюзивного, загадочного, статусного напитка. А уж жидкость под эту идею... её всегда можно найти. Главное — чтобы бутылка была красивой, а этикетка — с двуглавым орлом.

Бендер снова начинает ходить, его энергия зашкаливает.

Бендер: Это даже лучше, чем просто посредничество. Это создание нового рынка. Сначала мы продадим идею Лучано. Потом, когда у него пойдут разговоры в высших кругах о «русской водке», мы выйдем и на Нуки. Скажем: «Томпсону — только самое лучшее, самое респектабельное». Мы будем не грузчиками, Ипполит Матвеевич. Мы будем **импресарио запретных удовольствий!**

Киса (сдавленно): Мне кажется, это очень рискованно. Обманывать таких людей...

Бендер (останавливается и смотрит на него с театральной грустью): Кто говорит об обмане? Мы предлагаем улучшение. Обогащение палитры. Мы — новаторы! Ну, подумай. Что

лучше: вонючая рыба или бутылка в бархатном футляре с гербом? Правильно. А теперь спи. Завтра мы идём не в порт. Завтра мы идём в библиотеку.

Киса (ошеломлённо): В библиотеку? Зачем?!

Бендер: Изучать геральдику, дорогой друг! И основы виноделия. И английские слова для «эксклюзивный контракт». Нашему графу Воробьянинову нужно подтянуть теорию. А я займусь практикой — поиском того самого «одесского канала» среди местной диаспоры. Игра пошла по-крупному.

Он гасит свет. В темноте слышно, как Киса тяжело вздыхает, ломая голову над геральдическими дебрями, а Бендер улыбается в потолок, мысленно рисуя этикетки и считая проценты.

ЭТАП: Номер в «Seaview Boarding House». Утро следующего дня.

Обстановка: Узкий луч солнца пробивается через грязное окно, освещая пылинки в воздухе. Запах вчерашней салями и мыла. Киса, с красными от бессонницы глазами, сидит на кровати и смотрит на Бендера, который уже бодр, выбрит (с помощью тупой бритвы) и что-то чертит в блокноте.

Диалог:

Киса (голос сиплый от волнения): Остап Ибрагимович... Я всю ночь думал о твоём плане с водкой. У меня сердце не на месте. Скажи мне честно, как губернатору: это же чистый обман. Мы будем продавать местную бормотуху под видом одесской? Нас же раскусят в первый же день! И кто нам продаст этот алкоголь? Любой владелец винокурни спросит лицензию, накладные... А если и продаст, то донесёт тут же этим... Томпсонам и Лучано! Нас раздавят, как клопов!

Бендер (не отрываясь от блокнота, спокойно): Ипполит Матвеевич, успокойте ваше дворянское сердце. Вы мыслите категориями мирного времени и легальной торговли. Здесь и сейчас — иное. Мы не идём на винокурню. Мы идём в **подполье**, но не к вершине, а к основанию. Он откладывает блокнот.

Бендер: Представь себе не крупного бутлегера, а мелкого. Какого-нибудь ирландца, который гонит самогон у себя в гараже где-нибудь на окраине. Или итальянца, который тайком делает граппу. Их продукт — крепкий, дешёвый, но... без изюминки. Без истории. Он продаёт его оптом перекупщикам за гроши. Вот он — наш идеальный «поставщик».

Киса (непонимающе): Но он же нам не поверит! Зачем ему мы?

Бендер (улыбается, как учитель терпеливому, но туповатому ученику): Мы придём к нему не как покупатели. Мы придём как... **маркетологи**. Скажем: «Ваш продукт обладает потенциалом, но ему не хватает позиционирования на рынке. Мы готовы выкупить у вас всю партию по цене выше, чем дают перекупщики, но с одним условием: вы не спрашиваете, зачем и куда. Мы даём вам наличные, вы даёте нам товар. И все молчат». Для мелкого шинокара это рай. Никаких вопросов, никаких рисков, чистая прибыль.

Киса (начинает вникать, но новые страхи тут же накатывают): А... а куда мы его денем? Как будем продавать? Подойдём к первому встречному бару и скажем: «Купите нашу одесскую водку»? Нас же вышвырнут в шею!

Бендер: Конечно, нет. Мы начнём с малого. С таких же, как мы, «чужаков». В каждом портовом городе есть свои диаспоры. Греки, поляки, сербы... А уж русских эмигрантов, уверен, полным-полно в Нью-Йорке, а здесь, в Атлантик-Сити, наверняка есть хоть кто-то. Вот им мы и предложим. Не в бар, а **на дом**. Через знакомых. «Эксклюзивно для своих». «Настоящий вкус родины, который нельзя найти в магазинах». Ностальгия, Ипполит Матвеевич, — самый мощный двигатель торговли. Они купят. Не из-за качества, а из-за надписи кириллицей на бутылке.

Киса (закусывает губу, в его голове идёт борьба между страхом и зарождающейся алчностью): И... и как мы назовём эту... жидкость?

Бендер (встаёт, принимает ораторскую позу): «Бендер & Воробьяниновъ». С твёрдым знаком на конце. Для солидности. Этикетку нарисуем сами. Двуглавый орёл, обязательно. И надпись: «Дистиллированная по старинному рецепту графов Воробьяниновых. Одесса». Красиво, туманно и ни к чему не обязывает. А содержимое... – Бендер пожимает плечами, – содержимое будет достаточно крепким, чтобы смыть с души тоску по родине. Этого достаточно для старта.

Киса (после паузы, с надрывом): А если... если к нам придут те, от кого мы будем отбивать клиентуру? Если наш ирландец-самогонщик работает под чьим-то крылом? Или если греческая община платит кому-то за «спокойствие»?

Бендер (его взгляд становится холодным и расчётливым): Вот это, Ипполит Матвеевич, и есть ключевой вопрос. Риск. Поэтому мы и начинаем с самого низа, с таких теней, которые никому не интересны. Мы будем малы, незаметны и мобильны. Мы не создаём склад. Мы покупаем — переупаковываем — продаём. За наличные. Без свидетелей. А если почувствуем хоть малейший интерес со стороны «больших ребят»... мы не будем драться. Мы придём к ним. С образцом. И предложим партнёрство. Скажем: «Мы создали бренд. У нас есть клиентская ниша. Давайте работать вместе — вы даёте защиту и каналы, мы даём идею и маржу». Из диких кошек мы станем... домашними, но очень полезными хорьками в их хозяйстве.

Он подходит к окну, смотрит на кирпичную стену.

Бендер: Но это — гипотетическое будущее. А сегодня... сегодня мы ищем нашего первого самогонщика. И первую бутылку, которую зальём в нашу «одесскую» тару. Всё гениальное просто, Ипполит Матвеевич. И нагло. А теперь — завтракать. Нам нужны силы. Сегодня мы вступаем на путь мелкотоварного, но высокомаржинального производства.

ЭТАП: Украина Атлантик-Сити, болотистая местность. Сарай румына Миши.

Обстановка: Два дня поисков и расспросов среди портовых босяков привели их в это гиблое место. Старый дощатый сарай, притулившийся к высохшему болоту. В воздухе витает едкий, сладковато-кислый запах браги, перебиваемый дымом из трубы. Хозяин — **Миша**, седой, с обветренным лицом и хитрыми, как у барсука, глазками. Он не спрашивает лишних вопросов — Бендер сразу сунул ему в руку доллар «за консультацию».

Действие: Внутри сарая — примитивный самогонный аппарат из медных труб и бочки. На столе — грязная стеклянная банка с мутной жидкостью. Миша, ухмыляясь, наливает по глотку в две консервные банки.

Проба:

Киса (после осторожного глотка, давится, глаза наливаются слезами): Кха-кха! О, Господи... Это же... это же отрава! Это пахнет... ваксой и грязными портянками! Такую гадость... продать невозможно!

Бендер (медленно пропускает жидкость по нёбу, как сомелье, лицо непроницаемо. Он чувствует жгучий, грубый спирт, отвратительные сивушные масла и какой-то странный привкус, будто самогон гнали через старый ковёр).

Бендер (вытирает губы, обращается к Мише на ломаном английском, перемежая жестами): Крепко. Очень крепко. Но... аромат сложный. Первичный.

Миша (хрипло смеётся, показывает на котёл): Я делаю, как мой отец в Карпатах! Крепко, дешёво, много! Кто покупает — не нюхает, пьёт быстро!

В сарае, пока Миша копошится у аппарата, Бендер отводит Кисе в сторону.

Диалог:

Киса (шёпотом, с отчаянием): Остап, это провал! Из этой бурды даже одеколон не сделаешь! Нас с таким товаром осмеют!

Бендер (спокойно, достаёт из внутреннего кармана потрёпанный блокнот и карандаш): Ипполит Матвеевич, вы — человек тонкой душевной организации, но в технологиях не разбираетесь. Этот продукт — не конец, а **начало**. Это — сырьё. Алкогольная основа. Чистый, крепкий спирт, пусть и с душиком. А душик мы уберём.

Киса: Как?! Дистиллировать ещё раз? У нас же нет аппарата!

Бендер: Есть способ проще. Мне показывал один старый одесский аптекарь, когда мы с ним немного... сотрудничали. Нужна **очистка углём и ароматизация**. — Он начинает что-то быстро чертить и писать в блокноте.

Бендер (шепчет, рисуя схему): Берём этот самогон. Пропускаем через несколько слоёв древесного угля — это уберёт сивушные масла и запах. Потом — ключевой момент. Добавляем настой. Вариантов миллион. — Он начинает перечислять на пальцах. — **Вариант первый:** настой полыни и аниса. Получится что-то вроде абсента, очень модно в богемных кругах. **Вариант второй:** настой цедры лимона, мяты и немного мёда. Освежающий, благородный напиток. **Вариант третий,** для простоты: крепкий настой тмина и укропных семян. Будет похоже на немецкий шнапс или что-то славянское. Главное — добавить сахару для мягкости и дать отстояться.

Киса (смотрит на Бендера, как на шамана): Ты... ты умеешь это делать? Из этой гадости?

Бендер (закрывает блокнот с таинственным видом): Ипполит Матвеевич, великий комбинатор должен разбираться во всём: от философии Канта до основ винокурения. Это ремесло. А любое ремесло подчиняется законам. Мы купим у Миши не готовый продукт, а **сырец**. И будем дорабатывать его на нашей «фабрике» — то есть в раковине нашего номера, с помощью купленного угля, специй и пары больших стеклянных бутылей. Себестоимость — копейки. А на выходе — эксклюзивный «одесский» продукт с таинственным рецептом.

Он подходит к Мише.

Бендер: Миша. Хороший товар. Мы покупаем. Но не это. — Он указывает на банку с самогоном, а на котёл с сырцом. — Мы покупаем **это**. Ещё не готовое. По цене твоей готовой. И привезём свои бутылки. Тебе меньше работы, нам — нужная консистенция. Договорились?

Миша, подсчитав выгоду (меньше возни, та же цена), пожимает Бендеру руку. Сделка заключена.

По дороге назад, Киса всё ещё не верит.

Киса: Остап, а где мы возьмём эти травы? Уголь?

Бендер (уверенно): Уголь для очистки — в любой аптеке, его используют при отравлениях. Травы и специи — на рынке, в лавке для иммигрантов. Бутылки — найдём. Наш номер превратится в маленькую алхимическую лабораторию. «Бендер & Воробьяниновъ» начинают производство. Сначала мы сделаем пробную партию, сами попробуем. Потом — предложим первому доверенному клиенту. Например, тому самому греку-грузчику, который тоскует по родине. Он будет нашим первым тестером и, если повезёт, распространителем. Вперёд, Ипполит Матвеевич! Мы на пороге великих дел!

ЭТАП: Лавка «Золото и Серебро» на окраине Little Italy. Вечер.

Обстановка: Тесная, заставленная полками комната, больше похожая на ломбард. За стеклами — часы, украшения, стопки книг. В воздухе — запах старой бумаги, металла и ладана. За прилавком — **Абрам Моисеевич Лифшиц**, худой, с острым птичьим носом и глазами, которые мгновенно оценивают стоимость всего, на что падает взгляд. Бендер узнал о нём через того же грузчика-грека — «даёт всем, но проценты кусаются».

Действие: Бендер, после небольшой словесной разведки, излагает свою идею. Кратко, ярко, с упором на эксклюзивность и «ностальгический рынок». Он не просит деньги на водку.

Он просит инвестиции в «**уникальный этнический бренд с высокой маржой**». Киса стоит сзади, ёрзая и глотая слюну.

Диалог:

Лифшиц (слушает, не перебивая, постукивая костлявыми пальцами по прилавок. Потом смотрит на Бендера поверх очков): Молодой человек. Вы рассказываете сказки. «Одесская водка»... здесь? Кому это нужно? Тем, кто сбежал оттуда от погромов и голода? Им нужно забыть, а не вспоминать.

Бендер (уверенно): Именно потому и нужно, уважаемый Абрам Моисеевич! Ностальгия — это болезнь. А лучшие лекарства — или время, или... хороший напиток, который напомнит о доме, но не о плохом. Мы продаём не водку. Мы продаём **иллюзию хорошего прошлого**. И мы уже нашли поставщика сырья и разработали уникальную технологию очистки. Нам нужны деньги на оборудование, тару и первую партию специй.

Лифшиц (прищуривается): Сколько?

Бендер: Пятьдесят долларов. На месяц.

Лифшиц (тихо свистит): Пятьдесят... За такие деньги можно купить небольшой ящик нормального канадского виски. Риск большой. Мне — какой профит?

Бендер: Ваши пятьдесят вернутся вам через месяц. Плюс **двадцать процентов от чистой выручки** с первой проданной партии.

Киса (не выдерживает, вскрикивает по-русски): Двадцать процентов?! Да это грабёж среди бела дня! Остап, он нас обдирает как липку!

Бендер (резко, почти свирепо, оборачивается к Кисе, тоже по-русски, сквозь зубы): **Закрой рот, старый дурак! Я здесь дела делаю!** Ты хочешь ночевать под краном и грызть крабов с пирса? Молчи и улыбайся!

Он поворачивается обратно к Лифшицу, и на его лице снова — обаятельная, деловая улыбка.

Бендер: Извините, мой партнёр... волнуется за дело. Он не понимает, что двадцать процентов от успеха — это лучше, чем сто процентов от пустого кармана. Мы согласны. Пятьдесят долларов. Двадцать процентов с чистой прибыли первой партии. Честное слово.

Лифшиц (медленно открывает ящик под прилавком, достаёт пачку потрёпанных банкнот, но не отдаёт. Держит в руке): Честное слово... это не контракт. Вы не отдадите — я найду. У меня здесь все на виду. Вы не первые, кто пытается сделать бизнес на «сухом законе». И не последние. Но вы... с идеей. Мне это нравится. — Он отсчитывает деньги. — Месяц. И двадцать процентов. И ещё... небольшой совет.

Бендер (внимательно): Слушаю.

Лифшиц: Не лезьте на районы больших людей. Ваша сила — в маленьких, тихих, своих. Греки, сербы, евреи... им нужно своё, родное. Продавайте не в бары, а на кухни. Через женщин. Они решают, что пить в семье. И... — он смотрит на Бендера пристально, — если у вас получится, приходите ко мне снова. У меня могут быть... каналы сбыта побольше. Но это если получится.

Он протягивает деньги. Бендер берёт их твёрдой рукой.

Бендер: Получится, Абрам Моисеевич. Вы не пожалеете. Через месяц мы вернёмся с вашими деньгами и вашим процентом.

На улице, в сумерках. Киса весь в поту.

Киса: Двадцать процентов, Остап! Это же кабала! Мы будем работать на него!

Бендер (пересчитывает деньги, довольный, кладёт их во внутренний карман): Ипполит Матвеевич, вы ничего не поняли. Он дал нам не просто деньги. Он дал нам **кредит доверия**. И ценный совет. И потенциального крупного покупателя в будущем. Эти двадцать процентов — не плата за деньги. Это плата за вход в его сеть. Это выгоднее, чем брать у уличного ростов-

щика, который просто ломает нам ноги. А теперь — марш за углём, травами и бутылками! Наш стартап получил начальное финансирование!

Он бодро шагает вперёд, а Киса, обречённо вздыхая, плетётся следом, в очередной раз чувствуя, что его втянули в омут, из которого уже не выбраться.

ЭТАП: Сарай Миши. Поздняя ночь, неделю спустя.

Обстановка: Сарай преобразился. Рядом с примитивным аппаратом Миши теперь стоят два больших стеклянных баллона, купленных в аптеке, мешки с древесным углём, связки сушёных трав (полынь, мята, тмин, анис), банки с мёдом и лимонами. В воздухе витает уже не вонь сивухи, а сложный букет: спирт, трава, цитрусы. Это — импровизированная лаборатория «Бендер & Воробьяниновъ».

Действие: Три дня ушло на эксперименты. Сначала угольная фильтрация сырца — мутная жидкость стала заметно прозрачнее. Потом настаивание на травах в разных пропорциях. Бендер, с блокнотом в руках, как алхимик, записывал всё: «Полынь — 10 грамм на литр, слишком горько»; «Мята + лимонная цедра — освежает, но слишком мягко»; «Тмин + щепотка аниса — похоже на что-то знакомое, крепко, с характером».

И вот — финальная проба. В трёх чистых стаканчиках на столе из-под ящика стоит итоговый продукт трёх видов:

«**Полынная горечь**» (зеленоватый оттенок).

«**Лимонная свежесть**» (лёгкий желтый цвет).

«**Тминный заряд**» (прозрачный, как слеза).

Пьют все трое: Бендер, Киса и сам Миша, смотревший на всю эту «буржуазную возню» со скепсисом.

Проба:

Миша (хлебнув «Тминного заряда», широко открывает глаза, потом кашляет, но не от отвращения, а от неожиданности): О-хо! Это... это не моя водка! Это... как из магазина! Только крепче! Как ты сделал?

Киса (осторожно пригубив «Лимонную свежесть», медленно опускает стакан. На его лице — смесь шока и удивления): Остап Ибрагимович... это... это даже пить можно. Я бы сказал... приятно. Совсем не похоже на ту мерзость, что была.

Бендер (пробует все три варианта, смакуя. Его лицо — маска концентрации. Он оставляет стакан с «Тминным зарядом», который явно пришёлся ему по душе. Он медленно вытирает губы чистым, специально припасённым для этого момента, носовым платком).

Наступает торжественная пауза. Он смотрит на свои «произведения», на сияющего от профессиональной гордости Мишу и на ошарашенного Кисе. В сарае тихо, только потрескивает печка.

Бендер (его голос звучит негромко, но с той самой непередаваемой интонацией — смесью торжества, иронии и безграничной уверенности в себе): **Господа... Лёд тронулся.**

Он делает ещё одну паузу, давая словам проникнуть в сознание слушателей.

Бендер: Теперь, когда технология отработана, а продукт обрёл приемлемые, я бы даже сказал, выдающиеся кондиции... **Командовать парадом буду я.** — Он встаёт, и его фигура в свете керосиновой лампы кажется вдруг больше.

Бендер (обращаясь уже как генерал, отдающий приказы): **Миша.** Твоя задача — сырец. Только сырец. Увеличиваем объёмы втрое. Качество — как было. Не лучше и не хуже. Постоянство — ключ к успеху. **Ипполит Матвеевич.** Ты отвечаешь за упаковку. Завтра идёшь к печатнику — заказываем этикетки. «Бендер & Воробьяниновъ. Одесский оригинал. Дистиллировано по старинному рецепту». И маленькими буквами — варианты: «Полынная», «Лимонная», «Традиционная». Ищем бутылки — не какие попало, а одинаковые, с узким горлышком. Солидность!

Киса (автоматически): Слушаюсь, но... печатник, бутылки... это же деньги...

Бендер: Деньги у нас есть. Инвестиция работает. **Я** займусь стратегией сбыта. Завтра же нанову визит на кухню к нашему греку-грузчику. Потом — к тем сербам, о которых говорил Лифшиц. Мы начинаем не с продажи, а с **дегустации**. Дарём первую бутылку. Получаем отзывы. И первые заказы.

Он обводит взглядом свой маленький «завод» и своих двух «акционеров».

Бендер: Мы сделали невозможное — превратили свинью в шёлковый кошелёк. Теперь нужно убедить мир, что этот кошелёк — эксклюзивный аксессуар. Работа закипела, господа! Не время расслабляться. К утру — первый тираж!

В сарае воцаряется деловая суета. Миша, воодушевлённый, начинает что-то настраивать на своём аппарате. Киса, окрылённый успехом, лихорадочно ищет в блокноте, что нужно для этикеток. А Бендер стоит, прислонившись к косяку, и смотрит на тёмное небо за дверью сарая. На его лице — та самая улыбка, с которой он когда-то заходил в Старгород. Лёд действительно тронулся. Парад, ведущий напрямик к золотым горам Атлантик-Сити, начался, и дирижёрскую палочку он уже не выпустит из рук.

ЭТАП: Сарай Миши. Утро.

Обстановка: На грубом столе выстроились в ряд, как солдаты на параде, тридцать бутылок. Они действительно выглядят солидно: одинаковые тёмно-зелёные стеклянные сосуды с узким горлышком, аккуратно закупоренные. На каждой — изящная этикетка с виньетками, геральдическим двуглавым орлом (нарисованным Кисой с большим трудом) и надписью на двух языках: кириллицей «Бендер & Воробьяниновъ» и английским «Bender & Vorobyanirov. Odesa Original». Ниже указан сорт: «Polynnaya», «Limonnaya», «Classic».

Запах в сарае теперь — смесь свежей типографской краски, клея и едва уловимого аромата специй. Это уже не подпольная самогонка, а **товар**.

Действие: Миша, с гордостью прадеда, смотрит на бутылки. Киса, уставший, но довольный, протирает последнюю этикетку тряпочкой. Бендер оценивающе молчит, проверяя качество укупорки.

Диалог:

Миша (похлопывая по столу, обращаясь к Бендеру): Ну что, босс? Товар есть. Теперь продавать. У меня есть клиенты. В деревне, за болотами. Мужики на лесозаготовках. Они мою старую брагу пили, а эту новую — проглотят за милую душу! Давай я свезу им пару ящиков. Деньги сразу, наличными.

Бендер (не отрывая взгляда от бутылки, которую он вертит в руках, изучая игру света на стекле. Его голос спокоен, но в нём слышится лёгкое презрение к предложению): Лесозаготовки... Мужики... Наличные сразу... — Он медленно ставит бутылку на стол и поворачивается к Мише. — Это, конечно, вариант. Но это — вариант для тебя, Миша. Для мелкого шинкаря. Ты думаешь в категориях «проглотят».

Миша (обиженно надувает губы): А как ещё? Товар делаем — товар продаём. Какие ещё категории?

Бендер (делает широкий жест, словно обнимая весь свой «бренд»): Мы продаём не товар, Миша. Мы продаём **историю**. Легенду. Бутылку, которую ставят на стол не чтобы «проглотить», а чтобы **произвести впечатление**. Наши клиенты — не лесорубы с заскорузлыми глотками. Наши клиенты — иммигранты, которые скучают по дому, но хотят пить не грубую самогонку, а «что-то из прошлого, но благородное». Или местные любители экзотики, которые хотят блеснуть перед гостями «настоящей русской водкой с царским гербом». Твой рынок, Миша, — это прошлое. Наш рынок — будущее. Но...

Он делает паузу, и в его глазах мелькает практицизм.

Бендер: ...но для обкатки, для быстрого оборота наличности... **мелко, но для начала сойдёт.** – Он берёт со стола шесть бутылок — по две каждого сорта. – Вот. Бери. Отвези своим лесорубам. Продавай. Но! Не дешевле, чем по два доллара за бутылку. Скажи, что это — эксклюзив, пробная партия из Европы. Посмотрим, как пойдёт. Остальное — мы везём в город.

Миша (хватает бутылки, довольный, что его мнение учли, хоть и покривившись на слове «мелко»): Два доллара? Они охнут! Ладно, посмотрим. А в городе куда?

Бендер (уже надевает своё менее потрёпанное пальто): В город — туда, где тоскуют. Первая точка — наш грек, Спиро. Он ждёт нас сегодня на ужин. Вторая — пекарня в Маленькой Италии, владелец которой, по слухам, любит выпить чего-нибудь «эдакого». Мы не продаём оптом. Мы создаём дефицит. Мы оставляем бутылку «на пробу». А дальше — сарафанное радио сделает своё дело. Ипполит Матвеевич, взяли чемодан для образцов? Поехали. Наш парад выходит на главную улицу. Пусть и по обочине, но выходит.

Он берёт чемоданчик, в который Киса уже аккуратно уложил по несколько бутылок каждого сорта. Они выходят из сарая. Миша машет им вслед, упаковывая свои шесть бутылок в мешок из-под картошки.

На дороге в город, Бендер говорит Кисе:

Бендер: Видишь, Ипполит Матвеевич, разницу в подходах? Миша думает, как лавочник. А мы должны думать, как создатели моды. Сегодня мы оставим бутылку у Спиро. Завтра о ней будут знать все греческие моряки в порту. Послезавтра — их жёны захотят такую же «для гостей». А потом, глядишь, и до конторы Нуки Томпсона дойдут слухи, что появился какой-то эксклюзивный импортный товар... для особых случаев. Вот тогда мы и развернёмся. А пока... пока пусть Миша кормит лесорубов. Это даст нам оперативные деньги. Но наше будущее — не в болотах. Оно — там. – Он кивает головой в сторону сверкающих на солнце высоток центра Атлантик-Сити.

ЭТАП: Городские слухи. Неделя спустя.

Обстановка: Атлантик-Сити живёт своей двойной жизнью. На фоне курортного шика и подпольного бизнеса по каналам, недоступным для официальной хроники, поползли новые разговоры.

Действие: Слухи живут своей жизнью, обрастая подробностями. Они просачиваются:

В торговых тавернах: Греческие и итальянские моряки, осушая кружки пива, спорят: «У Спиро был такой напиток... “лимонная свежесть” называется. Как будто летний ветер с Эгейского моря, только крепкий! Говорят, его лично граф какой-то привозит».

На кухнях иммигрантских кварталов: Женщины, закупая продукты, перешёптываются: «Мария купила бутылочку для Антонио на именины. С орлом! Он пил и плакал, говорил, как у его отца в Сицилии пахло анисом. Теперь все соседи спрашивают, где взять».

В подсобках подпольные заведения среднего звена: Бармены, протирая стаканы, делятся с доверенными поставщиками: «Ко мне приходил один тип, с чемоданчиком. Оставил на пробу. Не виски, не джин... что-то травяное, необычное. Гости спрашивают. Надо бы раззнать, кто этот “Бендер”».

В прихожей у мелких букмекеров и ростовщиков: Клиенты, ожидая приёма, болтают: «Слышал, у Лифшица теперь не только деньги даёт. У него можно заказать “то самое, одесское”. Для особого случая. Дорого, но говорят, стоит».

Даже в гардеробной у девушек из колеса «Babylon Club»: Одна шепчет другой, поправляя перья на костюме: «Вчера тот брокер с Уолл-стрит угощал... не шампанским. Зелёная такая бутылка, вкус... будто полынь, но приятно. Сказал, это теперь самый модный секрет в городе. “Бендер что-то”».

Суть слухов: Никто не видел цеха. Никто не знает адреса. Появляется мифическая фигура «графа» или «профессора» (смешиваются описания Бендера и Киси), который тайно

привозит элитный, сложный напиток из «старой, погибающей Европы». Его хвалят не за дешёвизну или силу, а за **вкус и историю**. Он становится символом не просто выпивки, а определённого статуса — ты в курсе, у тебя есть доступ к чему-то эксклюзивному, интеллектуальному, с налётом трагической романтики.

Слухи доходят и до ушей тех, кому не положено:

Какой-то помощник **Джимми Дармоди** слышит разговор в баре и докладывает: «Появилась какая-то новая марка, не из наших каналов. Люди хвалят».

Кто-то из людей **Лаки Лучано** получает задание «посмотреть, что за птица этот Бендер, не лезет ли он на наши поля».

И, наконец, сам **Нуки Томпсон**, просматривая отчёты о доходах с подконтрольных баров, замечает лёгкий спад продаж виски в паре заведений. На вопрос «в чём дело», управляющий пожимает плечами: «Говорят, народ увлёкся чем-то новеньким, импортным. Какой-то “одесский оригинал”. Ерунда, наверное, мода пройдёт».

Но Нуки не любит «ерунду», которая отвлекает от его доходов. Он кивает головой одному из своих людей: «Узнай».

ЭТАП: Кабинет Нуки Томпсона в «Babylon Club». Поздний вечер.

Обстановка: Роскошный кабинет. Тёмное дерево, кожаные кресла, бар с хрустальными бокалами. В воздухе — запах дорогих сигар и виски. За большим столом сидят Нуки, **Джимми Дармоди** и парочка «деловых партнёров» из Чикаго. На столе, среди бутылок шотландского виски и коньяка, стоит одна зелёная бутылка с этикеткой «Bender & Vorobyanirov. Classic». Она выглядит скромно, но инородно, как простой солдат, попавший в генеральское собрание.

Действие: Разговор зашёл в тупик. Чикагские гости скучны и жадны. Чтобы разрядить обстановку, Нуки, с привычной для него театральностью, подзывает бармена.

Нуки: Эдди, принеси-ка ту новинку, о которой все говорят. «Одесскую». Давай попробуем, что там у них.

Бармен разливает напиток по стопкам — маленьким, для пробы. Все, кроме Джимми, который смотрит на бутылку с лёгким презрением, поднимают бокалы.

Проба:

Чикагский гость 1 (хлебнув, морщится): Уф! Крепко! И... травой отдаёт. Не по нашему.

Чикагский гость 2 (смакует, причмокивает): Необычно... Но есть характер. Как тот самогон, что валлийцы гонят.

Нуки Томпсон (медленно пробует. Он не морщится. Его лицо — маска концентрации. Он держит жидкость во рту, потом проглатывает. Ставит стопку на стол. Молчит секунду, изучая послевкусие).

Нуки (наконец, говорит, его голос ровный, задумчивый): Интересный вкус. Не виски. Не джин. Что-то... своё. С историей. Или с легендой. — Он берёт бутылку, изучает этикетку с двуглавым орлом. — «Бендер и Воробьянинов». Звучит как адвокатская контора. А не винокурня. Кто такие?

Он поворачивается к Джимми. Взгляд Нуки — не гневный, а изучающий. Он почувствовал конкуренцию, а **феномен**. Что-то, что выбивается из привычной схемы.

Нуки: Джимми. Ты что-нибудь слышал об этих... птицах? Они по нашим каналам работают?

Джимми Дармоди (пожимает плечами, отодвигает свою недопитую стопку. Он видит в этом мелочь, отвлекающую от больших дел): Слухи ходят. Пару недель. Какой-то мелкий биз-

нес для иммигрантов. «Ностальгия в бутылке». Я слышал, они через Лифшица, того ростовщика, крутятся. Никакой сети, никаких складов. Кустарщина.

Нуки (не сводя глаз с бутылки, крутит её в руках): Кустарщина... которая становится темой для разговоров. Которая заставляет людей спрашивать в *моих* барах не виски, а «то самое, одесское». Которая продаётся не ящиками, а поштучно, и, судя по цене, которую мне назвали, маржа у них... очень приличная. – Он смотрит на Джимми уже строже. – Это не кустарщина, Джимми. Это **бренд**. Крошечный, но уже свой. И он появился на моей территории без моего ведома. Мне это не нравится.

В кабинете повисает напряжённая тишина. Чикагцы понимают, что попали на семейную сцену, и замирают.

Нуки (говорит тихо, но чётко, отчеканивая каждое слово): Узнай, кто они. Откуда. На кого работают. И главное — **какие у них амбиции**. Мне нужен не просто отчёт. Мне нужна встреча. Приведи их ко мне. Веди себя... вежливо. Пока что. Мне интересно посмотреть в глаза людям, которые смогли с нуля, без крыши, создать шум. Возможно, они просто талантливые маркетологи. А возможно... – он отставляет бутылку, и в его глазах мелькает холодный огонёк, – они представляют собой что-то большее. В любом случае, я хочу, чтобы они играли в *моей* лиге. И по *моим* правилам. Понятно?

Джимми (кивает, его лицо стало каменным. Он понимает приказ и скрытое недовольство Нуки тем, что Джимми упустил этот растущий «феномен»): Понятно. Я всё узнаю.

Нуки (снова превращается в гостеприимного хозяина, поворачиваясь к чикагцам): Простите за небольшое отвлечение. Местный бизнес. Выпьем ещё? На этот раз — нормального виски.

Но его взгляд ещё раз скользит по зелёной бутылке. Он не выпил её до конца. Он оставил немного, как образец. Образец проблемы. Или возможности.

ЭТАП: Сарай Миши. Следующий день, предзакатное время.

Обстановка: Бендер и Киса как раз принимают новую партию сырца от Миши. В сарае пахнет спиртом и свежими этикетками. Внезапно снаружи раздаётся звук тормозящих автомобилей, хлопанье дверей. Дверь сарая с силой распаивается, и на пороге появляются три фигуры, заслонив свет. Впереди — **Джимми Дармоди** в хорошем, но неброском пальто, с холодными, оценивающими глазами. За ним — два крепких парня, руки в карманах.

Действие: Миша замирает у аппарата, бледнея. Киса инстинктивно пятится за бочку, роняя пачку этикеток. Бендер, стоя у стола с готовыми бутылками, лишь медленно поворачивает голову. Его лицо не выражает страха, скорее любопытство и лёгкую досаду, как у человека, которого отвлекли от важного дела.

Диалог:

Джимми (не заходя дальше, окидывает взглядом «производство»: аппарат, бутылки, банки со специями. На его лице — смесь брезгливости и иронии. Он говорит тихо, но чётко): Ну и местечко вы нашли для своей... лаборатории. Пахнет, будто здесь лечат лошадей. Или калечат.

Бендер (спокойно кладёт на стол бутылку, которую держал в руках, и делает полшага навстречу. Его поза расслаблена, но в глазах — мгновенная аналитическая работа: дорогое пальто, уверенность, тип лица — не грубая сила, а управляющий. Опасность, но и возможность).

Бендер (на ломаном, но уверенном английском): Добрый день. Видимо, вы ошиблись дверью. Мы здесь занимаемся... фитотерапией. Производством лечебных настоек. А вы, собственно, кто? Санитарный инспектор? Или представитель фармацевтической гильдии?

Джимми (коротко усмехается, без удовольствия): Очень смешно. «Фитотерапия». – Он указывает подбородком на бутылки с этикетками. – У ваших «лечебных настоек» очень громкое название. И, как я слышал, они неплохо лечат тоску по родине. И кошелёк у покупателей.

Один из парней за спиной Джимми тихо хихикает.

Джимми (делает шаг внутрь, его взгляд пристально фиксируется на Бендере): Вы знаете, что занимаетесь нелегальным производством алкогольной продукции? На территории, где у всего, что льётся в стакан, есть хозяин?

Бендер (пожимает плечами, с лёгкой театральной недоуменной улыбкой): Хозяин? Мы скромные ремесленники. Мы создаём продукт для узкого круга ценителей. Мы никому не мешаем. Мы даже... облагораживаем местный рынок, внося культурное разнообразие. Наши клиенты — люди, которые не находят на полках обычных магазинов того, что им нужно. Мы заполняем нишу. Скромно.

Джимми (смотрит на него, словно на интересный экспонат. Бендер не лебезит и не грубит. Он держится на удивление уверенно для человека в вонючем сарае).

Джимми: «Скромно»... – Он повторяет это слово с иронией. – Вы создали шум на пол-города своими «скромными» настойками. Это уже не ниша. Это факт. Меня интересуют факты. Ваши имена.

Бендер (слегка наклоняет голову, как бы представляясь на светском приёме): Остап Бендер. Мой партнёр — Ипполит Воробьянинов. Мы — специалисты по европейским дистиллятам.

Джимми (кивает, запоминая. Его взгляд скользит по перепуганному Кисе, потом возвращается к Бендере): Бендер... Ладно. Вы говорите, никому не мешаете. Это вам так кажется. В этом городе всё, что приносит деньги, либо работает на мистера Томпсона, либо... мешает мистеру Томпсону. Вы пока что — серая зона. Но серые зоны имеют свойство или становиться чёрными, или исчезать. Поняли?

Он не ждёт ответа. Он сделал, что хотел: посмотрел в глаза, оценил обстановку, нагнал страху, но не перешёл черту. Он разворачивается к выходу.

Джимми (на пороге, оборачивается в последний раз): Не расширяйтесь. Не умничайте. И будьте на связи. Возможно, с вами захотят поговорить. По-деловому.

Он выходит. Слышно, как хлопают дверцы машин, двигатели урчат, и они уезжают.

В сарае повисает гробовая тишина. Миша вытирает пот со лба. Киса выползает из-за бочки, дрожа всем телом.

Киса (шёпотом, полный ужаса): Остап... Это же... это же бандиты! Нас сейчас убьют! Он сказал «Томпсон»! Тот самый!

Бендер (стоит неподвижно, глядя в пустой дверной проём. На его лице нет страха. Есть сосредоточенность игрока, который только что получил информацию о силе и стиле противника).

Бендер (тихо, больше себе): Не бандиты, Ипполит Матвеевич. Менеджеры. Менеджеры высшего звена. И они вышли на нас не с дубинками. Они вышли с вопросом. – Он поворачивается, и в его глазах загорается знакомый огонёк. – Это не конец. Это **приглашение**. Правда, без права отказа. Лёд не просто тронулся, Ипполит Матвеевич. Нас понесло в самое сердце айсберга. Теперь главное — не разбиться, а... проложить внутри него тоннель.

ЭТАП: Кабинет Нуки Томпсона. Вечер, перед важной встречей.

Обстановка: Тот же роскошный кабинет. Нуки уже в смокинге, готовясь к серьёзным переговорам. Рядом его брат, **шериф Илай Томпсон**, в полицейской форме, мрачный и недо-

вольный предстоящим общением с преступниками. Джимми Дармоди стоит у бара, наливая себе виски. В воздухе висит напряжение предстоящей встречи с людьми **Лаки Лучано** из Нью-Йорка.

Диалог:

Нуки (поправляя манжеты, обращается к Джимми, не глядя на него): Ну что, Джимми, разобрался с нашими... винокурами-ботаниками? С этой одесской бурдой?

Джимми (отхлёбывает виски, пожимает плечами с показным безразличием. Он не хочет признавать, что потратил время на какую-то ерунду, и тем более — что эти «ботаники» его хоть чем-то зацепили): Пустяки. Нашёл их. Двое иммигрантов. Гонят самопал в сарае за болотами. Один — болтун с претензиями, второй — тряпка. Местные деревенские дурачки с красивыми этикетками. Никакой сети, никаких связей. Лифшиц им в долг дал, вот они и играют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.